

Записи 1847 г.

Рязанская губерния, Раненбургский уезд; Тамбовская губерния, Козловский уезд

472

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка, — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую вест, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидел он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних да и заставили их просить Кожемяку; авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну; ты будешь жить в одной половине, а я в другой». «Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо между проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та

борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, отчего эта борозда, называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

473

Жила мышь с воробьем ровно 30 лет так дружно, что кто что ни найдет — все пополам. Раз воробей нашел маковое зернышко. Подумал он: что тут делать? Взял да и съел он это зернышко. Спознала про то мышь и не захотела более жить с воробьем. «Давай, — говорит ему, — давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей». Так и сделалось. Собрались и звери, и птицы, бились долго. В этом бою подбили одного орла, тот полетел на дубок да и сел там.

На ту пору мужик в том лесу охотился. Охота была неудачная. Дай, подумал мужик, хоть орла убью. Не успел он взяться за ружье, как орел провещал человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек, я тебе ничего не сделал». Мужик пошел от него прочь. Не нашедши никакой птицы, он опять подходит к орлу, хотел его убить, уж совсем было приловчился — орел опять его упробил. Мужик пошел прочь; опять, но нашедши ничего, поравнялся с орлом, приложился, выстрелил — ружье у него и осеклось. Проговорил ему орел: «Не бей ты меня, не в кую пору гожусь я тебе. Возьми меня к себе, вылечи да выхоли».

Мужик послушался, взял орла к себе в избу, стал его кормить что ни есть лучшим: то, бывало, овцу зарежет, то теленка. В дому мужик не один, семья была большая, стали на это ворчать, что он весь проживается на орла. Мужик терпел долго, наконец говорит орлу, чтоб тот летел, куда ему угодно, а он больше держать его не может. «Пусти моих сил попробовать», — отвечал орел. Взлетел орел высоко, опустил да и говорит мужику: «Продержи меня еще три дня». Мужик согласился. Прошло три дня, орел и говорит мужику: «Пора нам с тобой рассчитаться. Садись на меня». Мужик сел на орла, орел взвился и полетел на синее море.

Отлетевши от берега, орел спрашивает у мужика: «Что за нами, что пред нами? Что над нами, что под нами?». «За нами, — отвечал мужик, — земля, пред нами море; над нами небо, под нами вода».

Орел встрепенулся, мужик свалился с орла. Только он не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орел на середину синего моря, опять стал спрашивать у мужика: «Что над нами, что под нами; что за нами, что пред нами?». «Над нами небо, — отвечал мужик, — под нами вода; за нами море, пред нами море».

Орел встрепенулся, мужик свалился с него и упал в море. Орел не дал ему потонуть, подхватил, посадил на себя, опять полетел. Подлетают они близко к другому берегу. Стал опять орел спрашивать у мужика: «Что за нами, что пред

нами; что над нами, что под нами?». Мужик говорит: «За нами море, пред нами земля; под нами вода, над нами небо». Орел вострепнулся, мужик опять полетел в море, стал он тонуть, чуть-чуть не захлебнулся. Орел тогда только его вытащил, посадил его на себя да и говорит ему: «Хорошо тебе было тонуть? Таково-то и мне было сидеть на дереве, когда ты в меня целился из ружья. Теперь за зло мы расплатились, давай считаться добром».

Взлетели они па берег. Летели близко ли, далеко ли — видят посередь поля медный столб. Орел велел мужику прочесть надпись на столбе. Мужик прочел: «За этим столбом стоит медный город на 25 верст».

«Ступай, — говорил орел мужику, — в этот город, тут живет моя сестрица. Проси у нее медный ларчик с медными ключиками. Что б они тебе ни давали — ничего не бери: ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного».

Приходит мужик в город, пришел прямо к царице этого города. Та, узнавши, что у этого мужика жил ее братец, когда был болен, давала ему и злата, и серебра, и камня самоцветного. Тот ничего не брал, только просил медного ларчика с медными ключиками, но она ему не дала. Мужик выходит за город и рассказал орлу все. «Ничего, — сказал орел, — садись на меня».

Мужик сел, орел полетел. Опять увидал орел столб, только серебряный, заставил мужика читать надпись. Тот прочел: «За этим столбом стоит город серебряный на 50 верст». «Ступай, — говорит орел мужику, — в этот город, тут живет моя другая сестрица, проси у нее серебряный ларчик с серебряными ключиками».

Мужик приходит в город, а в том городе была царицею сестра Орлова. Мужик рассказал ей, как у него жил брат ея, как он его холил, и стал просить ларчик серебряный с серебряными ключиками. «Правда, ты сберег моего братца, — сказала царица мужику. — Бери, сколько хочешь золота, серебра, камня самоцветного, а ларчика не дам». Сколько он ни просил, та все-таки не дала.

Мужик выходит за город; сказал орлу, что сестрица его, несмотря на его просьбы, ларчика не дала. «Ничего, — сказал орел. — Садись на меня, полетим».

Мужик сел на орла, орел полетел. Летели близко ли, далеко ли, орел увидал опять столб. Этот столб был уже золотой. Заставил орел мужика читать на нем надпись: «За этим столбом стоит золотой город на сто верст». «Здесь живет моя любимая сестрица, — проговорил орел. — Поди, мужик, проси у ней золотой ларчик с золотыми ключиками».

Мужик пошел прямо к царице города, рассказал ей, как жил у него орел, как он за ним ходил, и стал просить у ней золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — отдала ларчик. Взявши ларчик, мужик выходит за город к орлу.

«Ступай домой, — сказал ему орел, — да смотри не отпирай до дому этого ларчика».

Сказал и улетел. Мужик долго крепился, да не до своего времени; не дошедши до двора, открыл ларчик! Не успел крышку открыть, как золотой город стал перед ним. Царь той земли, на которой раскинулся город, прислал

сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что у него дома есть и чего он не знает. Жаль стало мужику города. Он подумал: «Чего я не знаю — не жаль будет отдать», и согласился на последнее. Мужик смотрел-смотрел на город. Чудно ему показалось, что из ларчика выскочил город. Заглянул в ларчик — глядь, города нет. Стоит он в чистом поле один, только ларчик перед ним. Взял он ларчик да и пошел домой. Приходит в свою избу — жена несет ему младенца: она без него родила. Тут только спохватился мужик, что просил царь земли неверной. Делать было нечего. Он раскинул город да и стал до времени растить сына.

Стало ему 18 лет. Царь земли неверной прислал сказать, что пора рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына да и послал к царю. Идет молодец путем-дорогою, подходит он к Дунаю-реке да и прилег на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли 12 девушек одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись, утицы вылетели на берег. Все оделись, одной не достало платья. Одетые улетели, а та стала плакать и просить молодца отдать ей платье. «Не в кою пору сама гожусь я тебе». Тот подумал-подумал да и отдал ей платье.

Приходит молодец к царю неверному. «Слушай, добрый молодец, — говорит царь неверный, — узнай ты мою меньшую дочь. Узнаешь — пущу тебя на все четыре стороны; не узнаешь — пеняй на себя». Только пошел из дворца молодец — меньшая царевна навстречу ему. «Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет показывать тебе всех нас, чтобы ты указал ему меня. Мы все похожи одна на другую, так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать».

На утро зовет к себе молодца царь неверный, показывает ему своих 12 дочерей. «Угадай, — говорит, — которая младшая дочь?».

Молодец посмотрел, у которой мошка, и показал на нее. Завопил, закричал царь: «Слушай, молодец, я тебе не игрушка, тут подлость! Выстрой к завтраму мне дворец, этот, вишь, стар, так я хочу в новый перейти. Выстроишь — отдам за тебя младшую дочь; не выстроишь — живого съем».

Запечалился молодец, да царевна ему навстречу. «Не кручинься, — говорит, — молись богу да спать ложись, к завтраму все готово будет».

Молодец лег, заснул. Поутру глядь в окошко — стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кое-где гвоздики поколачивают. Царь неверный отдал свою дочь за молодца. Не хотелось ему отступить от слова своего царского, да и покинуть замысла не хотел: захотел он съесть живым и молодца да и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делают батюшка с матушкой, подходит к двери да слышит, что они совет советаю, как дочь с зятем съесть. Побежала царевна к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку.

Проведал что-то царь неверный, послал их догнать. Догонщики искали-искали, да никого не догнали, увидели только голубя с голубкой да и вернулись назад. «Никого не догнали, — сказали они царю своему, — только и видели голубя с голубкой». Царь догадался, что это они и были, рассердился на

догонщиков, перевесил их и послал других. Эти помчались; скакали-скакали, прискакали к реке, и у той реки стоит дерево. Видят, что нет никого, взяли да и вернулись. Пришедши к царю, рассказали ему все. «Это они и были», — сказал царь и этих догонщиков велел перевешать.

Поскакал сам за пими. Ехал-ехал он, да и наехал на божью церковь. Входит в церковь, а там ходит старичок да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов. Тот сказал, что они давно уж прилетели в золотой город, что стоит на сто верст. Вдарился царь неверный об землю от злости, да делать-то было нечего. Поехал домой.

Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старичок молодцем. Поцеловались да и пошли к бабушке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто верст. Пришли да и стали там жить да поживать да добра наживать.